

А. В. Лелётина

ПРОБЛЕМЫ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ СОГЛАШЕНИЙ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

Российская Федерация, ратифицировав Протокол «О присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» от 16 декабря 2011 г.¹ (далее — Протокол о присоединении к ВТО),² с 22 августа 2012 г. официально стала членом ВТО, взяв на себя ответственные международно-правовые обязательства, вытекающие из участия в этой глобальной институциональной системе.

С этого момента соглашения ВТО³ становятся частью российской правовой системы и занимают в ней особое место. В связи с этим вопросы о действии и применении норм соглашений ВТО в национальной правовой системе Российской Федерации, в том числе вопросы о возможности их прямого действия и применения,⁴ выходят на первый план в перечне проблем, связанных с участием России в ВТО, и имеют большое практическое значение.

В целом проблема прямого, непосредственного⁵ действия и применения международных договоров — одна из наиболее сложных проблем во взаимодействии

Лелётина Анастасия Валентиновна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: n.lelyotina@mail.ru

© А. В. Лелётина, 2013

¹ СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4986.

² Протокол о присоединении к ВТО вступил в силу 22 августа 2012 г. после его ратификации Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ в соответствии с п. 8 Протокола (Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // Российская газета. 2012. 23 июля).

³ В статье под термином «соглашения ВТО» понимаются Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г. и соглашения и связанные с ними правовые документы, включенные в Приложения 1, 2 и 3 к Марракешскому соглашению и являющиеся обязательными для всех членов ВТО. В случае обращения к Марракешскому соглашению далее оно будет именоваться Соглашением об учреждении ВТО.

⁴ В международных и национальных правовых актах и литературе отсутствует единство в использовании терминов для данных явлений. Употребляются следующие варианты: «прямое/непосредственное действие» («*direct effect*»), «прямое/непосредственное применение» («*direct applicability*»), «самоисполнимый» договор («*self-exectuing*») (противоположный — «несамоисполнимый»). Используемые часто как синонимичные, они при кажущейся близости имеют разное значение и смысловую нагрузку. О различии между прямым/непосредственным действием и прямым/непосредственным применением см. раздел «Дискуссионный характер проблемы» настоящей статьи. Что же касается использования термина «самоисполнимый» в отношении договора или отдельной его нормы, то это только характеристика и необходимое условие того, чтобы договор или норма имели статус прямого/непосредственного действия и применения. Об этом подробнее см. ниже.

⁵ Для целей настоящей статьи здесь и далее слова «прямое» и «непосредственное» в отношении действия и применения международных договоров будут использоваться как синонимы, имеющие равнозначный статус.

международного и национального права. В теории международного права (как в России, так и за рубежом) ей уделяется серьезное внимание.⁶

Что касается рассмотрения данного вопроса применительно к соглашениям ВТО, то здесь ситуация несколько иная. Российские ученые пока редко рассматривают эту проблему (автору удалось найти несколько статей по данной проблематике и редкие упоминания в монографических исследованиях, посвященных в целом деятельности и правовым режимам ВТО); больший интерес к ней отмечается среди зарубежных исследователей.⁷

Дискуссионный характер проблемы. Важнейшая практическая проблема участия государств в ВТО — это проблема прямого действия и применения соглашений ВТО в государствах-членах. Ее разрешение осложняется в большей степени тем, что за этим стоят не столько правовые, сколько политические и экономические аспекты, которые нередко выходят в современном мире на первый план при принятии тех или иных решений, выходящих за пределы одного государства.

В течение длительного времени ведутся споры о том, должны ли государства-члены наделять соглашения ВТО статусом прямого действия и непосредственного применения в своих национальных правовых системах и могут ли соглашения ВТО (их отдельные нормы) иметь этот статус, а именно:

1) обладать способностью *прямого действия*, т. е. самостоятельно устанавливать субъективные права и обязанности для национальных физических и юридических лиц и предоставлять этим лицам возможность основывать свои требования при защите этих прав на нормах соответствующих международных договоров;

2) обладать способностью *непосредственно применяться*, т. е. использоваться национальными судебными и иными органами при разрешении конкретных ситуаций.

В основном общей является позиция государств не признавать за соглашениями ВТО статус прямого действия и применения⁸ в национальных правовых системах. Классическим примером является Европейский Союз.

В преамбуле Решения Совета ЕС от 22 декабря 1994 г. о принятии обязательств, вытекающих из соглашений ВТО, закреплено: «Принимая во внимание, что по своей природе Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, включая Приложения к нему, не являются подходящими для того, чтобы непосредственно применяться в судах Сообщества и государств-членов...».⁹

⁶ Тем не менее, несмотря на обилие научных работ и точек зрения по проблемам прямого действия и применения международных договоров в правовых системах государств, до сих пор не наблюдается единства мнений и решений (даже на уровне одного государства), которые бы нашли воплощение в правовых нормах и таким образом существенно упростили жизнь правоприменителю и «сняли» имеющиеся разногласия и сомнения.

⁷ Видимо, такая ситуация связана с тем, что Россия недавно вступила в ВТО, и до этого момента данная проблема не вызвала такой практический и научный интерес. Судя по всему, в ближайшее время положение должно измениться. Зарубежные же исследования, посвященные рассмотрению данной проблемы, проводятся теми учеными, которые имеют прямую связь с государствами — членами ВТО.

⁸ Здесь и далее для удобства использования понятия «прямое действие» и «непосредственное применение» будут именоваться одним термином «прямое действие», если иное не будет требовать другого использования.

⁹ *Council Decision of 22 December 1994 concerning the conclusion on behalf of the European Community, as regards matters within its competence, of the agreements reached in the Uruguay Round multilateral*

Как видно из вышеприведенного, отказ в предоставлении статуса прямого действия обосновывается природой Соглашения об учреждении ВТО.

В период существования ГАТТ 1947 г.¹⁰ и позднее после создания ВТО в решениях Суда ЕС обнаруживаются и другие аргументы в пользу отказа от непосредственного применения. Среди них структура соглашений, неопределенное содержание положений, особый механизм разрешения споров, равная ограничительная практика других членов (взаимность), а также необходимое «пространство для маневра» в переговорах.¹¹

Предшествующая учреждению ВТО практика Суда ЕС достаточно последовательно не признавала прямого действия за ГАТТ 1947 г.¹² Тем не менее в ряде решений были сформулированы некоторые исключения и указаны условия, при которых те или иные положения могут иметь статус прямого действия.¹³ После создания Организации, несмотря на ожидания и критику, существенных изменений в практике Суда ЕС не произошло.¹⁴

Некоторые авторы считают, что такая позиция ЕС связана в том числе и с непризнанием за соглашениями ВТО статуса прямого действия со стороны других государств, прежде всего США.¹⁵

Когда США принимали обязательства, вытекающие из соглашений ВТО, была предпринята попытка минимизировать влияние норм ВТО на существующее право США.

negotiations (1986-1994) (94/800/EC) // Official Journal L 336, 23.12.1994. P. 0001-0002 (<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31994D0800:EN:HTML>) (последняя дата обращения – 04.04.2013 г.).

¹⁰ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (англ. *General Agreement on Tariffs and Trade*, ГАТТ, ГАТТ) — международный договор, заключенный в 1947 г. с целью восстановления экономики после Второй мировой войны. ГАТТ — предшественник ВТО.

¹¹ *Herdegen M. Principles of International Economic Law*. Oxford, 2013. P. 270.

¹² См. подробнее анализ соответствующих дел здесь: *Drexler J. The TRIPs Agreement and the EC: What Comes Next After Joint Competence? // From GATT to TRIPs — The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights / ed. by F.-K. Beier, G. Schricker. Weinheim; New York; Basel; Cambridge; Tokyo, 1996. P. 42–47; Trachtman J. P. Bananas, Direct Effect and Compliance // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. N 4. P. 655–678; Трунк-Федорова М. П., Трунк А. Применение норм ВТО в праве Европейского сообщества // Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы. Liber amicorum в честь профессора Л. Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. СПб., 2007. С. 335–344; Каунни М. Прямое действие международных соглашений во внутреннем праве ЕС // По пути к договору о стратегическом партнерстве между Россией и Европейским союзом. СПб., 2007. С. 46–50; Прокудина Н. В. Проблема несоответствия международно-правовых норм соглашений ВТО и норм права ЕС // Законодательство. Право для бизнеса. Январь 2013. № 1. С. 78–80.*

¹³ Такие исключения были сформулированы в ECJ Case 70/87 *Fédération de l'industrie de l'huilerie de la CEE (Fediol) v. Commission of the European Communities* (Judgment of 22 June 1989) и в ECJ Case C-69/89 *Nakajima All Precision Co. Ltd v. Council of the European Communities* (Judgment of 7 May 1991) (тексты решений доступны на: <http://curia.europa.eu> (Court of Justice of the European Union)). См. подробнее: *Трунк-Федорова М. П., Трунк А. Применение норм ВТО в праве Европейского сообщества*. С. 335–344; *Каунни М. Прямое действие международных соглашений во внутреннем праве ЕС*. С. 46–50; *Drexler J. The TRIPs Agreement and the EC: What Comes Next After Joint Competence?* P. 45–46.

¹⁴ Среди свидетельствующих об этом дел можно назвать следующие: ECJ Case C-149/96 *Portuguese Republic v Council of the European Union* (Judgment of 23 November 1999), ECJ Case C-307/99 *OGT Fruchthandelsgesellschaft mbH v Hauptzollamt Hamburg-St. Annen* (Order of 2 May 2001), ECJ Case C-377/02 *Léon Van Parys NV v Belgisch Interventie- en Restitutiebureau (BIRB)* (Judgment of 1 March 2005).

¹⁵ *Trachtman J. P. Bananas, Direct Effect and Compliance*. P. 657; *Drexler J. The TRIPs Agreement and the EC: What Comes Next After Joint Competence?* P. 39; *Herdegen M. Principles of International Economic Law*. P. 269–270.

И соответствующий закон — The Uruguay Round Agreements Act — в п. а (1) ст. 102 закрепил: «Ни одно положение какого-либо из Соглашений Уругвайского раунда, ни применение такого положения к лицу или ситуации, которые не совместимы с каким-либо законом США, не должны действовать». И далее в п. а (2) ст. 102: «Ничто в настоящем Законе не должно толковаться как направленное на то, чтобы: (А) внести изменения или скорректировать какой-либо закон США, включая любой закон, относящийся к (i) защите человеческой, животной или растительной жизни или здоровья, (ii) защите окружающей среды, или (iii) безопасности работающего, или (В) ограничить какие-либо полномочия, предоставленные в соответствии с каким-либо законом США, включая ст. 301 Закона о торговле 1974, если специально не установлено иное в настоящем Законе».¹⁶ Данная позиция отражается и в судебной практике США.¹⁷

Возвращаясь к практике Суда ЕС, необходимо добавить, что, несмотря на основную позицию, Суд признал (помимо исключений, о которых речь шла выше) возможность применения некоторых норм ВТО при разрешении споров в судах государств — членов ЕС. В деле *Dior* Суд указал на возможность непосредственного применения некоторых положений ТРИПС,¹⁸ в частности ст. 50. Статья посвящена временным мерам, которые могут приниматься для предотвращения нарушения прав интеллектуальной собственности. В данном деле Суд закрепил в параграфе 47 следующее: «В области, к которой применяется ТРИПС и в отношении которой Сообщество уже издавало законы, как в случае дела о товарных знаках, как следует из решения по *Hermès*,¹⁹ в частности его параграфа 28 о том, что судебные органы государств-членов обязаны на основании права Сообщества, когда призваны применять национальные правила с целью назначить временные меры для защиты прав, входящих в такую область, делать это по возможности в свете формулировок и цели Статьи 50 ТРИПС». И далее в параграфе 48: «С другой стороны, в области, в отношении которой Сообщество еще не издавало законы и которая, следовательно, входит в компетенцию государств-членов, защита прав интеллектуальной собственности и меры, принятые с этой целью судебными органами, не попадают под сферу действия права Сообщества. Соответственно, право Сообщества не требует и не запрещает, чтобы правопорядок государств-членов предоставлял лицам право ссылаться непосредственно на правило, закрепленное в п. 6 ст. 50 ТРИПС, или чтобы он обязывал суды применять это правило по собственной инициативе».²⁰

¹⁶ The Uruguay Round Agreements Act (Public Law N 103–465, 108 Stat. 4809 (December 8, 1994)) (текст доступен на: <http://www.gpo.gov> или <http://transition.fcc.gov>) (последняя дата обращения — 05.04.2013 г.).

¹⁷ См. подробнее: *Gattinara G.* The Relevance of WTO Dispute Settlement Decisions in the US Legal Order // *Legal Issues of Economic Integration*. Vol. 36. N 4. November 2009. P. 285–312.

¹⁸ ТРИПС — Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights).

¹⁹ ECJ Case C-53/96 *Hermès International v FHT Marketing Choice BV* (Judgment of 16 June 1998) (см. подробнее: *Desmedt G. A.* European Court Rules on TRIPS Agreement // *Journal of International Economic Law*. December 1998. Vol. 1. Issue 4. P. 679–682). — В связи с этим большой интерес также представляет особое мнение, высказанное при рассмотрении данного дела, см.: *Opinion of Advocate General Mr. Tesauro of 13 November 1997 (Case C-53/96)*.

²⁰ ECJ Joined Cases C-300/98 and C-392/98 *Parfums Christian Dior SA v TUK Consultancy BV and Asco Gerüste GmbH and Rob van Dijk trading Assco Holland Steigers Plettac Nederland v Wilhelm Layher GmbH & Co. KG and Layher BV* (Judgment of 14 December 2000).

Нормы соглашений ВТО в сфере охраны интеллектуальной собственности²¹ о действии в национальных правовых системах государств-членов. Соглашение об учреждении ВТО не содержит каких-либо специальных указаний на то, какое действие должно быть обеспечено договорам ВТО в национальных правовых системах государств-членов.

Пункт 4 ст. XVI Соглашения об учреждении ВТО закрепляет положение, в соответствии с которым «каждый член обеспечивает соответствие своих законов, иных нормативных актов и административных процедур своим обязательствам, вытекающим из прилагаемых Соглашений», в том числе следующим из Соглашения ТРИПС, которое является неотъемлемой частью Соглашения об учреждении ВТО и обязательным для всех участников.

Как видно из данной формулировки, государству предоставляется свобода в выборе подходящих для него способов обеспечения такого соответствия в зависимости от особенностей его правовой системы. Это положение коррелирует с одним из основных принципов международного права — невмешательства во внутренние дела государств. «Определение способов выполнения международных обязательств относится к проявлению государственного суверенитета и входит во внутреннюю компетенцию государства, если только государство не обязалось придерживаться каких-либо определенных способов исполнения данных международных норм, скажем, издать законы, предписывающие их исполнение».²²

При разрешении споров в ВТО группы по разрешению споров и Апелляционный орган неоднократно обращали внимание сторон на данное положение п. 4 ст. XVI Соглашения об учреждении ВТО, не пытаясь каким-либо образом его конкретизировать или тем более расширительно толковать.²³

Как и Соглашение об учреждении ВТО, ТРИПС не предусматривает конкретных предписаний, каким путем законодательство и практика государства-члена должны приводиться в соответствие с требованиями ВТО, оставаясь в традиционных для международного права границах «свободы» обязывания.

Тем не менее ТРИПС устанавливает в первом предложении п. 1 ст. 1 следующее неоднозначное положение: «Члены вводят в действие положения настоящего Соглашения».

²¹ К «соглашениям ВТО в сфере охраны интеллектуальной собственности» относится в первую очередь Соглашение ТРИПС как устанавливающее определенные обязательства в сфере охраны интеллектуальной собственности, а также Соглашение об учреждении ВТО, которое связывает государства обязательствами по данному и прилагаемым соглашениям. Помимо этого сфера интеллектуальной собственности регулируется и другими обязательными соглашениями ВТО, но в данной статье они рассмотрены не будут.

²² Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974. С. 245.

²³ См., напр.: Panel Report по делу United States — Continued Suspension of Obligation in the EC — Hormones Dispute, para. 7.212 (WT/DS320/R 31.03.2008) и Canada — Continued Suspension of Obligations in the EC — Hormones Dispute, para. 7.204 (WT/DS321/R 31.03.2008): «Мы также отмечаем, что в соответствии с п. 4 ст. XVI Соглашения об учреждении ВТО Члены должны обеспечивать соответствие своих законов, иных нормативных актов и административных процедур, как указано в соглашениях, прилагаемых к Соглашению об учреждении ВТО, включая ДСУ» (Договоренность о правилах и процедурах разрешения споров (Dispute Settlement Understanding. — А. Л.)). Данное положение отражено и в отчетах Апелляционного органа (Appellate Body Report (USA), AB-2008-5, para. 390 (WT/DS320/AB/R 16.10.2008) и Appellate Body Report (Canada), AB-2008-6, para. 390 (WT/DS321/AB/R 16.10.2008)). Тексты документов доступны на официальном сайте ВТО: <http://www.wto.org>.

Представляется, что содержание этого первого предложения п. 1 ст. 1 предполагает следующее. Во-первых, государства придают Соглашению юридическую силу, санкционируют его действие, выполнение им своих целей, задач и функций, т. е. реализацию своего назначения. Во-вторых, государства «вводят в действие» Соглашение в рамках своих правовых систем. Во втором случае данное положение может быть интерпретировано как предписание придать Соглашению статус прямого действия в государствах-членах.

Серьезно корректирует такое предположение и «вносит баланс» в его интерпретацию третье предложение п. 1 ст. 1: «Члены могут свободно определять надлежащий метод выполнения положений настоящего Соглашения в рамках своих правовых систем и практики», — а также сложившаяся в процессе разрешения споров практика применения этих двух положений во взаимосвязи.²⁴

ТРИПС не требует обеспечения непосредственного применения закрепленных в нем положений, потому что международное право должно уважать различные конституционные традиции участвующих в международном договоре государств. И наоборот, из свободы выбирать подходящий метод выполнения должен быть сделан вывод, что невозможно вывести какой-либо аргумент из ТРИПС для того, чтобы исключить возможность его прямого применения.²⁵

Положения, подобные третьему предложению п. 1 ст. 1 ТРИПС, могут быть найдены в традиционных конвенциях о правах интеллектуальной собственности. Это свидетельствует в пользу непосредственного применения ТРИПС, как это всегда было общепринято для Парижской и Бернской конвенций.²⁶

Предоставляемая Соглашением об учреждении ВТО и Соглашением ТРИПС свобода выбора, тем не менее, не абсолютна. Она ограничивается ст. 26 и 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., которые закрепляют принцип «*pastra sunt servanda*» и правило о невозможности государства ссылаться на положения своего внутреннего права для оправдания неисполнения принятых на себя международных обязательств. Эти нормы обязывают государство добросовестно выполнять международный договор независимо от того, какой способ оно для этого выберет, будут ли суды государства иметь право использовать нормы международного договора для

²⁴ См., напр.: Panel Report, para. 7.513 по делу China — Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights, в отчете по которому группа по разрешению спора постановила: «Первое предложение п. 1 ст. 1 устанавливает основное обязательство о том, что Члены “должны ввести в действие” положения Соглашения. Это означает, что положения Соглашения являются обязательствами... Второе предложение п. 1 ст. 1 уточняет, что положения Соглашения представляют собой только минимальный стандарт, что предоставляет Членам свободу установить более высокий стандарт с учетом определенного. Третье предложение п. 1 ст. 1 не предоставляет Членам свободу вводить более низкий стандарт, но дает свободу определять подходящий метод выполнения положений, которые требуется ввести в действие в соответствии с первым предложением» (WT/DS362/R 26.01.2009). Panel Report, para. 7.104 по делу European Communities — Protection of Trademarks and Geographical Indications for Agricultural Products and Foodstuffs: «...п. 1 ст. 1 Соглашения по ТРИПС, который предусматривает, что Члены не обязаны выбирать какой-либо определенный способ выполнения перед другим. Существует обширное множество механизмов, используемых для выполнения... обязательств...» (WT/DS174/R 15.03.2005).

²⁵ Drexler J. The TRIPs Agreement and the EC: What Comes Next After Joint Competence? P. 48.

²⁶ Там же. — См. ст. 25 Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., ст. 36 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г.

разрешения возникающих споров прямо или только опосредованно, т. е. путем применения имплементационного законодательства.

Российское право о возможности прямого действия и применения международных договоров в национальной правовой системе. Подобные возможность или невозможность определяются конституцией государства.

Согласно Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) все международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Кроме того, Конституция закрепляет приоритет правил международного договора над правилами, предусмотренными законом, в случае их коллизии между ними.

Конституция не провела дифференциацию международных договоров в зависимости от наличия или отсутствия возможности их прямого действия, но предоставила международным договорам Российской Федерации общую возможность прямого действия. Такой формулировкой положения п. 4 ст. 15 Конституции РФ Россия продемонстрировала свое уважение и серьезное отношение к международно-правовой системе и всем ее нормам в целом, независимо от того, могут ли они непосредственно регулировать отношения с участием внутригосударственных физических и юридических лиц или нет.

В развитие положений Конституции в части определения статуса международных договоров и условий их действия, применения и приоритета над нормами российского права в случае коллизии были закреплены ряд других норм:

1. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации»²⁷ в п. 3 ст. 5 установил: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты».

2. В п. 2 ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации²⁸ нашло отражение схожее положение: «Международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса, непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта».

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»²⁹ еще более конкретизировало условия, необходимые для непосредственного применения международного договора, добавив к указанной выше норме следующее: «К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств». И далее: «При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требу-

²⁷ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

²⁸ Там же. 1994. № 32. Ст. 3301.

²⁹ Российская газета. 2003. 2 дек.

ют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права.

Кроме того, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³⁰ суды были уполномочены применять нормы международных договоров при осуществлении правосудия.

Итак, можно выделить следующие важные аспекты.

1. Конституция не запрещает прямое действие международных договоров Российской Федерации, но не определяет, при каких условиях, в каком порядке и какие международные договоры могут действовать непосредственно.

2. Российские суды уполномочены осуществлять непосредственное применение международных договоров при разрешении конкретных дел.

3. Сведение в единый комплекс положений указанных выше актов позволяет вывести из данных документов следующий перечень условий непосредственного действия норм международного договора:

- 1) вступление международного договора в силу;
- 2) обязательность международного договора для Российской Федерации;
- 3) официальное опубликование международного договора;
- 4) содержание положений международного договора не предполагает издания внутригосударственных актов для их применения;
- 5) отсутствие указания в международном договоре на обязательство внести изменения во внутреннее законодательство;
- 6) способность положений международного договора порождать права и обязанности для субъектов российского права.

Некоторые из этих условий носят формальный характер и являются в целом юридическими условиями применения норм международного права, другие представляются не всегда достаточными для признания наличия возможности прямого действия международного договора (или отдельных его норм)³¹ в российской правовой системе.

Фактически п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» закрепил широко признанное в доктрине деление договорных положений на *самоисполнимые* и *несамоисполнимые*. К первым отнесены положения договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, и в этом смысле они действуют «непосредственно». Ко вторым отнесены положения, для осуществления которых необходимо издать конкретизирующие их правовые акты, и потому они не могут применяться непосредственно.³² Потребность издания национального акта определяется содержанием договорного положения.

Указание в международном договоре на то, что национальное законодательство должно быть приведено в соответствие с его нормами, не является по своей сути положением, которое подтверждает, что данный договор не предполагает прямого действия в государстве-участнике. Даже если международный акт наделяется статусом прямого действия, национальное законодательство должно ему соответствовать. Одно не исключает другое.

³⁰ Там же. 1997. 6 янв.

³¹ Целесообразнее говорить о прямом действии отдельных норм международного договора. Едва ли возможно найти договор, все нормы которого являются самоисполнимыми.

³² *Комментарий к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации»* / Отв. ред. В. П. Звевков, Б. И. Осминин. М., 1996. С. 18 (автор комментария к ст. 5 — И. И. Лукашук).

Что же касается такого критерия, как издание отдельных национальных актов, требующихся для применения того или иного положения договора, то данное условие также представляется недостаточно убедительным.

Если положением международного договора предусмотрено, что государство должно принять необходимые меры для обеспечения его применения частными лицами (физическими и юридическими), а оно не приняло, то это не лишает такое лицо права ссылаться на данное положение договора в суде при разрешении конкретного спора. Государство должно своевременно и в полном объеме обеспечивать реализацию принятых на себя международных обязательств.

Такое «злоупотребление доктриной “несамоисполнимых международных договоров”», когда государство может отказать тому или иному лицу в применении международных норм, ссылаясь на необходимость издания внутрисударственных правовых актов, может вызвать отрицательную реакцию со стороны других государств — участников данного договора и, более того, повлечь за собой привлечение государства к международно-правовой ответственности.³³

Такие формальные условия, как вступление международного договора в силу, его обязательность для Российской Федерации и официальное опубликование являются, безусловно, первыми критериями, которые должны быть учтены в целом при определении возможности действия договора, но не являются «специальными» условиями для признания возможности прямого действия.

Кроме того, если рассуждать о формальных условиях, то здесь не учтена такая важная составляющая, как наличие официального перевода международного договора на государственный язык Российской Федерации. Как известно, в соответствии со ст. 10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и другими нормативными актами судопроизводство в нашей стране по общему правилу ведется на русском языке. Данный вопрос весьма актуален и для применения соглашений ВТО.

В связи с отсутствием в нормативных правовых документах ясности по вопросу прямого действия в научной литературе ведется активная дискуссия. В доктрине высказываются часто разные, но иногда и сопоставимые по принципиальным моментам мнения. «Для того, чтобы норма международного права могла применяться как часть права страны, она должна быть пригодной для этого или, как принято говорить, самоисполнимой. Она должна быть сформулирована так, чтобы ее можно было применять непосредственно и не нуждаться в издании конкретизирующего ее внутреннего акта».³⁴

Действительно, непосредственно применяться могут только самоисполнимые нормы договора.³⁵ Однако часто в научной литературе, да и в нормативных источниках,

³³ Зимненко Б. Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции. М., 2005. С. 44.

³⁴ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 13.

³⁵ Подробнее о концепции самоисполнимых норм в доктрине и практике государств см.: Павлова Л. В. Самоисполнимые нормы в международном праве // Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы. Liber amicorum в честь профессора Л. Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. СПб., 2007. С. 59–84; Осминин Б. И. 1) Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. С. 362–377; 2) Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 80–90; Карандашов И. И. Юридические условия непосредственного действия норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации // Российский ежегодник международного права.

как это, в частности, видно из ряда приведенных выше цитат, самоисполнимость отождествляют с отсутствием необходимости «издания внутривнутригосударственных актов для применения». Но это не совсем так.

С. Ю. Марочкин относит к таким основным признакам самоисполнимых норм «общее указание в договоре, что его нормы применимы к отношениям в сфере национального права; адресованность нормы юридическим, физическим лицам и органам; детальность (ясный и определенный характер) нормы».³⁶ И «дополнительным признаком, подтверждающим самоисполнимость нормы» автором называется «наличие в международном праве или во внутреннем праве сопровождающего ее механизма реализации».³⁷

Прямого общего указания в договоре может не быть, иногда встречается только косвенное (например, путем указания на круг субъектов, как это сделано в ТРИПС); со вторым и третьим основными признаками в целом можно согласиться, за исключением «адресованности нормы органам». Данное условие не является безапелляционным. Как правило, под адресацией нормы органам подразумевается все-таки ее адресация государству в целом.

Д. Раушинг, рассуждая о применении норм международного права в национальной правовой системе, указывает, что «существуют условия непосредственного применения: 1) нормы договора должны быть самоисполнимыми, 2) они должны быть действующими нормами международного права».³⁸

Данный перечень представляется несколько общим и неподходящим для практического применения: выделяемое условие самоисполнимости нормы — слишком недетализированное указание (в рамках данной статьи и предпринимается попытка выяснить, что же такое самоисполнимая норма и какими признаками она обладает, чтобы быть способной непосредственно применяться); указание на то, что это «должны быть действующие» нормы, носит формальный характер и изначально должно подразумеваться при обращении к правовым регуляторам (не может представляться в качестве специального условия непосредственного применения).

Несмотря на наличие указанных выше норм и позиций, все равно нет ясности и четкого понимания, какие международные договоры или их отдельные нормы могут иметь статус прямого действия в российской правовой системе и каковы условия и порядок их применения (помимо отдельных указаний на это, нет четкого «руководства к действию», благодаря которому возможно было бы определить характер международного договора и его норм в этой связи).

Представляется, что для создания единообразной практики применения международных договоров требуется принятие комплексного акта, который мог бы установить такие условия, критерии и порядок, чтобы на них можно было опираться при разре-

2010. СПб., 2011. С. 149–172; *Paust J. J. Self-executing Treaties // American Journal of International Law. 1988. Vol. 82. P. 760–783; Jackson J. H. Status of treaties in domestic legal systems: a policy analysis // The Jurisprudence of GATT and the WTO: Insights on treaty law and economic relations. Cambridge, 2000. P. 328–366.*

³⁶ *Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011. С. 242.*

³⁷ Там же. С. 246.

³⁸ *Раушинг Д. Применение норм международного публичного права в рамках национальной правовой системы // Российский ежегодник международного права. 1998–1999. СПб., 1999. С. 281.*

шении практических вопросов. В настоящее время все остается на усмотрение правоприменителя, и в связи с этим в практике государств нередко на первый план выходит политический аспект, что не самым лучшим образом влияет на создание должного уровня защиты субъективных прав и условий для поддержания верховенства права.

Россия так долго вела переговоры о вступлении в ВТО, согласовывая позиции и условия присоединения по принципиальным экономическим вопросам, что, подписав международные акты об участии в этой организации, не решила некоторые весьма существенные вопросы, связанные с действием норм ВТО в российской правовой системе. Представляется целесообразным разработать и издать нормативно-правовой акт, которым были бы решены эти вопросы.

«Специальные» обязательства Российской Федерации в связи со вступлением в ВТО. Помимо общих обязательств, закрепленных в соглашениях ВТО, государства имеют условно именуемые «специальные» обязательства, которые согласуются в процессе переговоров о вступлении. В соответствии с п. 1 ст. XII Соглашения об учреждении ВТО государство может присоединиться к ВТО на условиях, согласованных между ним и организацией.

Протокол о присоединении к ВТО определяет эти «специальные» условия. Тем не менее он также не содержит каких-либо указаний на то, каким образом должно быть обеспечено выполнение положений соглашений ВТО в правовой системе России.

Однако Протокол отсылает еще к одному документу, выработанному в результате переговоров. Это Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации (16–17 ноября 2011 г.)³⁹ (далее — Доклад Рабочей группы), имеющий важное значение для понимания того, какие обязательства берет на себя Россия и как их возможно будет исполнить, учитывая особенности и механизмы национальной правовой системы. Россия в соответствии с п. 2 Протокола принимает на себя обязательства, указанные в параграфе 1450 Доклада Рабочей группы.

В Докладе Рабочей группы также нет четкого указания на признание за соглашениями ВТО статуса прямого действия в правовой системе России. В текст Доклада включено положение, которое не носит статус обязательного в соответствии с п. 2 Протокола и параграфом 1450 Доклада; оно представляет собой разъяснение в ходе переговоров официального представителя России и содержит следующее положение (параграф 151): «С даты ратификации Российской Федерацией Протокола о присоединении, включающего Соглашение ВТО и другие обязательства, принятые Российской Федерацией как часть условий присоединения к ВТО, он становится неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации. Органы судебной власти Российской Федерации будут толковать и применять его положения».

Из этого следует, что судебные органы России могут толковать и применять положения Протокола и соглашений ВТО. Не означает ли это, что соглашения ВТО наделяются статусом прямого действия и применения? Но на каком основании? Из факта вхождения данных договоров в состав российской правовой системы это еще не вытекает. Одной общей конституционной санкции государства для этого недостаточно. Необходимо также соблюдение и других условий.

Кроме того, в параграфе 214 Доклада Рабочей группы, который [параграф] в соответствии с п. 2 Протокола и параграфом 1450 Доклада содержит обязательство, закреплено:

³⁹ СПС «КонсультантПлюс».

«Представитель Российской Федерации подтвердил, что положения Соглашения ВТО будут применяться единообразно на всей территории Российской Федерации... Он добавил, что для обеспечения соответствия положениям Соглашения ВТО любое физическое или юридическое лицо имеет право довести до сведения государственных органов Российской Федерации или компетентных органов Таможенного союза случаи неприменения или неединообразного применения положений Соглашения ВТО в Российской Федерации».

В параграфе 151 Доклада Рабочей группы также поясняется: «Хотя международный договор не имеет высшей юридической силы по отношению к Конституции Российской Федерации или федеральным конституционным законам, в соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации в случае возникновения противоречия между положениями международного договора и федерального закона, принятого как до, так и после вступления в силу международного договора, действуют положения международного договора».

Таким образом, ратифицированные Россией договоры, в том числе Протокол о присоединении, «имеют приоритет при применении перед всеми предыдущими и последующими федеральными законами, равно как и перед всеми подзаконными нормативными правовыми актами (указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, актами федеральных органов исполнительной власти). Если суд высшей инстанции установит, что положение нормативного правового акта, за исключением Конституции и федеральных конституционных законов, противоречит положениям международного договора Российской Федерации, такое положение будет признано недействительным и не подлежащим применению. Никаких дополнительных действий по отмене данного положения не требуется, и орган, ответственный за издание такого положения, будет обязан начать процедуру приведения его в соответствие с требованиями международного договора».⁴⁰

Весьма неоднозначны статус данного документа и приведенных положений, а также их содержание.

В отношении первого положения (о применении судами положений международного договора) представляется наиболее правильным вывод о том, что данное положение Доклада Рабочей группы, не имеющее статуса обязательства, является пояснением о том, что теоретически в России возможно прямое применение международных договоров.

Что же касается того, будут ли суды фактически применять положения соглашений ВТО, в частности ТРИПС, при разрешении споров с участием физических и юридических лиц, покажет предстоящая практика, которая постепенно уже складывается. В первые месяцы после вступления в силу Протокола о присоединении начали появляться соответствующие дела. В решениях по апелляционным жалобам по делам о взыскании компенсации за нарушение авторских прав арбитражный суд использовал для обоснования своих позиций в том числе и положения ТРИПС.⁴¹

Что касается положения о приоритете международных и российских норм, то этот вопрос будет освещен ниже. Здесь нужно только отметить, что в любом случае даже не имеющие статус обязательств России положения Доклада Рабочей группы могут ис-

⁴⁰ Параграф 151 Доклада Рабочей группы.

⁴¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2012 г. № 15АП-3462/2012 (Дело № А53-4547/2011), Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2012 г. № 15АП-5619/2012 (Дело № А32-34795/2011).

пользоваться и рассматриваться в последующем в процессе взаимодействия в рамках ВТО как официальная позиция государства.

Вопросы, требующие разрешения в целях определения наличия или отсутствия возможности и условий прямого действия и применения норм Соглашения ТРИПС в Российской Федерации. В целом в этом отношении являются проблемными, дискуссионными и неоднозначными следующие вопросы:

- 1) каков статус норм ТРИПС в российской правовой системе?
- 2) возможно ли прямое действие Соглашения ТРИПС в России?
- 3) могут ли российские суды применять положения ТРИПС и соответственно толковать Соглашение при разрешении конкретных споров?
- 4) каковы обязательные условия такого действия и применения?
- 5) возможно ли совместное применение норм российского права и ТРИПС к одним и тем же правоотношениям и исключительное применение ТРИПС?
- 6) как разрешать спор в случае возникновения коллизий между отдельными нормами российского права (особенно конституционными нормами, если такая необходимость когда-либо возникнет) и Соглашением ТРИПС?

При отсутствии объективной возможности дать исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы предпримем попытку сделать это частично, а где это неосуществимо, представить имеющиеся точки зрения и рассуждения.

Согласно Конституции нормы ТРИПС являются составной частью российской правовой системы. Но они не становятся нормами внутригосударственного права, а сохраняют свою международно-правовую природу. По мнению С. В. Бахина, «нормы международного права входят в правовую систему государства лишь в том смысле, что они наряду с нормами национального права регулируют отношения субъектов частного права, но они не превращаются в нормы внутригосударственного права, а остаются составной частью другой правовой системы».⁴²

Таким образом, нормы международных договоров остаются «приглашенными» нормами международного права в пределах юрисдикции государств. Они сохраняют специфику, присущую нормам международного права, и своей природой диктуют особенности их применения в рамках национальных правовых систем государств-участников.

При определении «приемлемости» прямого действия и применения норм международных договоров, в частности норм ТРИПС в Российской Федерации, представляется уместным предложить следующий перечень условий и критериев, которые должны быть учтены при установлении возможности или невозможности нормы договора выступать в качестве самоисполнимой.⁴³

- 1) международная договорно-правовая природа нормы;
- 2) содержание в норме субъективного права и/или обязанности для национальных физических и/или юридических лиц;
- 3) конкретность и четкость формулировки нормы международного договора, в которой ясно определены субъективное право и/или обязанность.

⁴² Бахин С. В. О правовой природе норм, унифицированных посредством международного договора // Российский ежегодник международного права 1998–1999. СПб., 1999. С. 56.

⁴³ Без учета формальных условий, в том числе: вступление в силу, официальное опубликование и др. Презюмируется их соблюдение, необходимое для обеспечения возможности применения норм международного права.

Норма должна быть «готовой к применению»⁴⁴. «Содержание нормы считается решающим фактором применимости на внутрисударственном уровне. Норма должна быть материальной и приемлемой по своей структуре, ей должна быть присуща определенность в достаточной степени».⁴⁵

Для того чтобы понять, возможно ли непосредственное действие и применение норм ТРИПС в России, необходимо в первую очередь обратиться к сущности и основным целям как ВТО в целом, так и самого ТРИПС. Соглашение ТРИПС хотя и входит в систему соглашений ВТО и тесно с ними взаимосвязано, тем не менее выступает в особой роли и имеет свою специфику.

Важным аспектом, который влияет на определение возможности прямого действия международного договора, является цель его заключения.

Основная цель ВТО — обеспечение создания адекватных правовых условий и основы для продуктивного торгового сотрудничества между государствами-членами. ВТО выступает как арена для взаимодействия государств. Соглашение об учреждении ВТО и другие соглашения ВТО, за исключением ТРИПС, предназначены в первую очередь для регулирования отношений между государствами. Соглашение же ТРИПС выступает в иной необычной роли.

Сфера регулирования ТРИПС занимает особое место в системе ВТО и во взаимодействии государств-членов. Основная цель данного соглашения и сотрудничества государств в этом направлении в рамках ВТО — содействие «эффективной и адекватной охране прав интеллектуальной собственности».

Важным в этом отношении являются два тесно связанных момента:

1) права интеллектуальной собственности — это по своей природе индивидуальные права частных лиц — физических и юридических;

2) субъектами защиты по ТРИПС являются физические и юридические лица (п. 3 ст. 1).

Возникает также справедливый вопрос о том, кому адресованы нормы ТРИПС? Кто является «целевой аудиторией» Соглашения? В нем содержатся две категории норм: нормы, адресованные государству (либо его органам), и нормы, адресованные частным лицам.

К государствам обращены нормы (их значительное количество), в которых содержатся обязанности установить необходимый уровень защиты (либо уровень «TRIPS», т. е. минимальный стандарт охраны, предусмотренный Соглашением, либо уровень «TRIPS Plus», т. е. более высокий стандарт, чем установлен ТРИПС). Частным лицам адресуются нормы, устанавливающие субъективные права (е. г. ст. 28) и обязанности (е. г. первое предложение ст. 52).

В связи с этим необходимо отметить одну особенность ТРИПС. Соглашение построено так, что самоисполнимое и несамоисполнимое положения одновременно могут содержаться в одной статье.

Таким образом, ТРИПС представляет собой смешанное соглашение, содержащее как самоисполнимые, так и несамоисполнимые нормы. Те нормы ТРИПС, которые в четкой и ясной форме устанавливают субъективные права и обязанности национальных физических и юридических лиц, предназначены для прямого действия и применения в национальной правовой системе. Суды Российской Федерации могут применять эти

⁴⁴ *Международное право = Völkerrecht* / В. Г. Вицтум и др.; пер. с нем. / [В. Бергманн, пред., сост.]; [науч. ред. и сост. указ. Т. Ф. Яковлева]. М., 2011. С. 132 (автор раздела — Ф. Куниг).

⁴⁵ Там же.

положения Соглашения ТРИПС и соответственно толковать их при разрешении конкретных споров.

Необходимо иметь в виду, что толкование в данном контексте понимается в узком смысле, т. е. только для целей разрешения конкретного спора. В соответствии с п. 2 ст. IX Соглашения об учреждении ВТО исключительное право принимать решения о толковании соглашений ВТО принадлежит Конференции министров и Генеральному совету. Кроме того, в случае толкования ТРИПС эти органы осуществляют свои полномочия на основе рекомендаций специального совета, наблюдающего за действием этого соглашения. Для ТРИПС — это Совет по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности.

Здесь также необходимо иметь в виду, что «в практике государств утверждается принцип благожелательного отношения к международному праву, в соответствии с которым предпочтение должно отдаваться таким толкованию и применению внутреннего права, которые соответствуют принципам и нормам международного права»⁴⁶.

Нормы ТРИПС могут применяться в трех формах:

- самостоятельное применение (без прямого участия норм внутреннего права);
- совместное применение (субсидиарно с нормами национального права);
- приоритетное применение в коллизионных ситуациях.⁴⁷

В связи с тем, что ТРИПС представляет собой классический пример международного договора, проблема иерархии норм ТРИПС (как норм международного права) и национального права находится в плоскости общей проблемы соотношения норм международного договора и внутригосударственного права.

В Конституции РФ содержится только правило о приоритете международных договоров над законами в случае коллизии между ними (без уточнения, над какими законами, а также независимо от времени принятия).

Ни сама Конституция, ни любые другие нормативно-правовые акты⁴⁸ однозначно не решают вопрос о том, какие нормы имеют верховенство: нормы Конституции или нормы международного договора Российской Федерации.⁴⁹

Статья 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» о возможности внесения изменений в Конституцию в случае содержания в международном договоре правила, несовместимого с положениями Конституции, не вносит большего понимания.

⁴⁶ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 14.

⁴⁷ См. об этом в общей теории международного права: *Международное право: Учебник* / Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 207–217 (автор параграфа — Г. В. Игнатенко).

⁴⁸ Стоит отметить, что Конституционный суд РФ как высший суд, имеющий право толковать положения Конституции РФ, до сих пор не высказал свою позицию по этому поводу.

⁴⁹ Более подробно см.: *Иваненко В. С.* Международные договоры и Конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? // *Правоведение*. 2010. № 3 (290). С. 135–161; *Черниченко С. В.* Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем // Там же. 2009. № 1 (282). С. 6–34; *Осминин Б. И.* 1) Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. С. 343–362; 2) Международные договоры и иерархия источников внутригосударственного права // *Журнал российского права*. 2012. № 11. С. 102–113; *Марочкин С. Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. С. 82–119; *Зимненко Б. Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М., 2010. С. 274–293; *Лукашук И. И.* Нормы международного права в правовой системе России. С. 42–46; *Ануфриева Л. П.* Соотношение международного публичного и частного права: правовые категории. М., 2002. С. 321–343.

В доктрине достаточно логично и юридически обоснованно доказываются обе полярные позиции:

1) первый подход — признание приоритета за нормами международного договора в случае их коллизии с конституционными нормами;⁵⁰

2) второй подход — признание верховенства за нормами Конституции.⁵¹

Вторая позиция выглядит противоречащей самой природе и сущности международного права и основополагающему общеправовому принципу «*pacta sunt servanda*»; она больше предназначена для защиты интересов государства, но она не может нести в себе оправдание нарушения государством норм международного права и способна привести к подрыву авторитета государства в случае неисполнения им международных обязательств ссылкой на внутреннее право страны. И в связи с этим совершенно верно отмечается: «Вместе с тем нельзя не признать, что у каждого государства имеются свои национальные интересы, которые объективно могут быть конкурентными. Поэтому задача заключается в том, чтобы, не нарушая международного права, поставить его в основу гармонизации разных национальных интересов государств».⁵²

Подводя итоги, необходимо сделать следующие краткие выводы.

1. Соглашение об учреждении ВТО и Соглашение ТРИПС предоставляют государствам-членам широкий простор и возможности для выбора способов и методов выполнения закрепленных в них обязательств.

2. Основным отличием ТРИПС от других соглашений ВТО является обеспечение должного уровня защиты интересов частных лиц (в отличие от обеспечения защиты интересов государств при действии других соглашений ВТО).

3. Отдельные нормы Соглашения ТРИПС могут иметь прямое действие и применение в Российской Федерации.

4. Прямое действие и применение норм ТРИПС позволит повысить эффективность действия международной и национальной систем охраны интеллектуальной собственности.

5. В настоящее время пока сложно оценить, как судебные органы России будут решать вопрос о возможности или невозможности прямого действия и применения положений ТРИПС при разрешении конкретных споров. Тем не менее ведущую роль в становлении *концепции прямого действия и применения* норм ТРИПС в российской правовой системе сыграют именно суды.

Резюмируя, стоит добавить: так как ТРИПС обязывает членов ВТО создать эффективную процессуальную систему осуществления прав, ослабление реализации материально-правовых норм ТРИПС в национальной правовой системе путем недопущения их непосредственного применения представляется противоречащим этому.⁵³

Статья поступила в редакцию 20 мая 2013 г.

⁵⁰ См. подробнее: *Иваненко В. С.* Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия // *Российский ежегодник международного права.* 2009. СПб., 2010. С. 9–34.

⁵¹ См. подробнее: *Зимненко Б. Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. С. 274–282.

⁵² *Международное право: Учебник / Под ред. А. Н. Вылегжанина.* М., 2010. С. 32 (авторы главы — А. Н. Вылегжанин, Ю. М. Колосов).

⁵³ *Drexel J.* The TRIPs Agreement and the EC: What Comes Next After Joint Competence? P. 49.